

Александр Авдеев

МОСКВА

«...И ПРОСЛАВИТСЯ БОГ В НЕМ»

КРЕМЛЬ: ОТ УДЕЛЬНОГО ЦЕНТРА ДО СТОЛИЦЫ РУСИ

С Александром Авдеевым я познакомился несколько лет назад, когда он, учитель истории, из Московской городской педагогической гимназии перешел работать в другую школу. Вскоре выяснилось, что Александр не из тех учителей, которые, как это часто бывает, из года в год пережевывают во время занятий одно и то же. Уроки его необычны, оригинальны и очень интересны. И связано это конечно же с тем, что сферы интересов самого Александра крайне широки,

Прежде всего, Александр Авдеев серьезно занимается археологией — он действительный член Российского Археологического общества. В различные археологические экспедиции Александр начал выезжать с 1972 года, еще до поступления на исторический факультет МГУ, который он окончил. С тех пор участвовал в раскопках в Москве, Козельске, в Крыму. А с 1994 года он возглавляет археологическую экспедицию в г. Галиче-Мерьском (Костромская обл.), в которую выезжает со своими учениками.

Александр человек творческий, за последние годы им написано и опубликовано более 120 специальных и популярных статей. Уже давно он углубленно изучает историю и археологию Москвы. Так, работая в Московской городской педагогической гимназии он участвовал в создании в ее стенах двух музеев — краеведческого, посвященного истории с. Преображенского и окрестностей, и археологического. И публикуемая ниже статья Александра Авдеева посвящена истории российской столицы, причем в очень интересном и, как мне кажется, плодотворном ракурсе — Москва как центр духовной жизни России.

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

Во второй половине XVII в. лучший царский изограф Симон Ушаков в похвалу главной русской святыни — иконы Божьей Матери Владимирской — написал икону, где языком символов воспел становление Московского государства: за стенами Кремля, из Успенского собора прорастает мощное дерево. Его сажает князь Иван Калита, а поливает митрополит Петр. В центре дерева изограф поместил икону Богоматери Владимирской, а в ветвях изобразил людей, верой и правдой служивших возвышению Москвы. Почему же у корней Московской государственности оказались два конкретных человека — князь и святитель, а символами ее стали Кремль с Успенским собором? Попробуем ответить на этот вопрос, взглянув на историю строительства Кремля глазами человека средневековья.

Первые укрепления Москвы — Детинец — были построены Юрием Долгоруким. В XII — XIII вв. он перестраивался по крайней мере дважды — после разорения Москвы Рязанским князем Глебом в 1177 г. и после татаро-монгольского нашествия 1238 г. В 1293 г. татары сожгли и разорили город дотла, и в начале XIV в. князь Даниил Александрович соорудил новую крепость, защищенную сосновым тыном. Летописи впервые называют ее Кремлем или «городом Кремником». «Эта крепость сначала была окружена только бревнами и до времени великого князя Иоанна, сына Данилова, была мала и незначительна», — писал о ней Сигизмунд Герберштейн. Стоявший на

вершине холма посреди могучего соснового бора небольшой Кремль действительно напоминал заезжим иностранцам заурядный рыцарский замок. Впрочем, тогда и сама Москва, как свидетельствует Житие митрополита Петра, была городом «малонаселенным и немногочисленным», еще не вполне оправившимся после Батыева разорения. Но в 1327 г. в ней поселился глава Русской церкви — митрополит Киевский, — и Москва превратилась в духовный центр Руси, а год спустя Иван Калита получил ярлык на великое княжение и стал главой Русского государства. Небольшая крепостца, естественно, уже не соответствовала значению Москвы. Город требовалось строить заново.

Но всякое строительство есть лишь материальное воплощение процессов духовных. Как и водилось в эпоху средневековья, князь вовсе не думал о внешней защите Москвы. Да и красота новых зданий не была для него отвлеченной категорией, но являлась образом Красоты Божественной, одним из путей, ведущих человека к Богу. Потому-то строительство нового Кремля началось с сооружения соборов — крепости духовной. Ибо был Иван Калита, как и подобало князю, благочестив и праведен, «*милостив зело, правду любяй, суд не по мзде судяй*».

Таким князь запомнился современникам и ближайшим потомкам.

К тому времени в Кремле уже стояло пять церквей. Первую — деревянную — во имя Рождества Иоанна Предтечи на Бору — по преданию, соорудили еще в XII в. В 1321 г. Иван Калита перестроил ее заново, поскольку Иоанн Предтеча был его небесным покровителем. Она стояла близ современных Боровицких ворот — в то время главного въезда в Москву. Боровицкие ворота, Боровицкий холм, церковь Иоанна Предтечи на Бору.. Названия эти говорят о том, что еще в XIV в. на этом склоне Кремлевского холма высились вековые сосны. И эта церковь была, по записи в летописи, «в тому лесу рублена».

Напротив храма, в самом живописном месте Кремля — там, где ныне расположен Большой Кремлевский дворец, — высились княжеские палаты — обширный деревянный дом, окруженный хозяйственными пристройками, а у церкви Иоанна Предтечи стоял двор митрополита Петра — так что уже по местоположению она являлась главной, соборной, в Москве.

Эта древняя святыня издавна почиталась москвичами. Дважды — в 1461 и 1509 гг. — ее возводили в камне, а царь Алексей Михайлович в ее честь даже попытался переименовать Боровицкую башню в Иоанно-Предтеченскую. Но сохранить памятник старины не удалось — после постройки Большого Кремлевского дворца в 1847 г. император Николай I счел, что храм портит открывающийся из окна вид. Несмотря на противодействие любителей московских древностей, его разобрали, а престол перенесли в нижний ярус Боровицкой башни, где он был ликвидирован уже при большевиках.

Второй храм — церковь Спаса на Бору — был построен в 1272 г. на месте, где, по преданию, во времена Юрия Долгорукого ютилась хижина отшельника Вукола. Его строителем называют князя Даниила Александровича. И это вполне вероятно: в те времена праздник Спаса Преображения (6 августа), которому был посвящен престол, мыслился фамильным праздником Рюриковичей. Это название носили домовые княжеские церкви, построенные в XII — XIII вв. в столицах уделов — Твери, Переяславле-Залесском, Нижнем Новгороде, Галиче-Мерьском, Ярославле. Строительство этого храма символизировало превращение Москвы в самостоятельный удел.

В 1291 г. второй московский князь, Юрий Данилович, выстроил деревянную церковь Благовещения «на великого князя дворе, на сенях», на юго-западной оконечности вершины Кремлевского холма — Маковицы.

Время строительства еще двух храмов, расположенных близ нее, — Успения Пресвятой Богородицы и Михаила Архангела — неизвестно. Последний, быть может, был основан князем Михаилом Ярославичем Хоробритом — братом Александра Невского, который владел Москвой в 1246—1248 гг. А деревянный собор на месте Успенского, как установили археологи, существовал уже в XII в. По преданию, он носил имя святомученика Димитрия Солунского, покровителя княжеских дружинников. В первой четверти XIV в. он использовался как княжеская усыпальница — здесь в 1325 г. был погребен брат Ивана Калиты Юрий Данилович, первым добившийся титула великого князя. Раскопки, проведенные на Соборной площади в конце 60-х годов нашего века, не дали подтверждения лишь тому, что в начале XIV в.

эти храмы были деревянными. Под Успенским и под Архангельским соборами обнаружались белокаменные фундаменты церквей, выстроенных еще при Данииле Александровиче, в 60—70-е годы XIII в.: уже тогда Соборная площадь была основой градостроительной структуры Кремля.

Когда Калита развернул небывалое каменное строительство, естественно, потребовались немалые силы и средства. Ведь в Москву пришлось приглашать мастеров-каменщиков — ни опыта каменного строительства, ни собственной архитектурной школы москвичи еще не имели. Были нужны и опытные мастера-камнерезы — ведь, как установили археологи, новые кремлевские храмы покрывало затейливое белокаменное узорочье. Больших расходов требовали заготовка и доставка белого камня, основные разработки которого велись близ села Мячкова под Коломной, уже вошедшей в состав Московского княжества.

Вполне вероятно, что в строительстве участвовали артели владимирских и суздальских мастеров, наиболее искусных в каменном строительстве. И хотя подмосковный известняк обладает большой прочностью, морозо- и влагостойкостью (соборы Владимиро-Суздальской Руси, возведенные из него в XII — XIII вв., до сих пор сохранили первоначальную красоту), храмы, построенные на Кремлевском холме, быстро обветшали, дали трещины и к началу XVI в. были разобраны. Очевидно, многие секреты каменного зодчества были утеряны после татаро-монгольского нашествия.

Храмовое строительство в Москве поддерживал духовный наставник Ивана Калиты — митрополит Киевский и всея Руси Петр, который возлюбил князя за крепость веры, подолгу гостил у него и в конце концов переселился из Владимира в Москву.

Находясь в преклонном возрасте и предчувствуя скорую кончину, святитель однажды сказал Ивану Калите: *«Аще мене послушаеши и храм Пречистыя Богородицы въздвигнеши в своем граде, и сам прославившия паче инехъ князей, и сынове, и внуцы твои в роды и роды, и град сей славен будет в всехъ градахъ Русьскихъ, и святители поживут в нем, и въздут руки его на плещу враг его, и прославится Бог в нем»*.

Пророчество митрополита словно разбудило князя. 4 августа 1326 г. в центре Кремля *«на Москве на площади»*, на месте древнего Димитриевского храма был заложен и 14 августа 1327 г. — накануне Успения дня — освящен одноглавый белокаменный собор Успения Богоматери. О его внешнем виде позволяет судить собор Успения на Городке в Звенигороде — считается, что он — точная копия московского, за исключением одной детали: летописи говорят, что последний имел высокие лестницы, ведущие на гульбище.

Успенский собор изначально мыслился как кафедральный для всей Руси. Наименование его главного престола не было выбрано случайно. Успенским был главный собор Владимира — официальной пока еще резиденции главы Русской Церкви. Здесь лежали останки владимирских князей, многие из которых были причислены к лику святых. Первый храм, выстроенный Владимиром Святым в Киеве, также был Успенским, и в нем покоились мощи крестителя Руси. Значит, митрополит Петр увидел Москву духовной преемницей двух русских столиц — Киева и Владимира. Отсюда ниточка тянулась к Византии: под хранительством Пречистой находился царствующий град Константинополь, колыбель Православной веры. Но Божья Матерь — главная защитница и хранительница Руси, и праздник Успения играл ключевую роль в Ее прославлении. Апостолы, засвидетельствовав кончину Пречистой Девы, не увидели Ее тела, и с тех пор в людях жила вера, будто Она не умерла, а уснула, усопла, и незримо ходит по земле, оберегая христиан от бед и напастей.

В Успенском соборе оказалось и первое великокняжеское захоронение, что также отмечало новое значение Москвы. Над останками Юрия Даниловича — в память о прежнем храме — возвели Димитриевский придел.

Митрополит Петр, естественно, принял самое деятельное участие в закладке собора. Может быть, он благословил новый храм собственноручно писанной иконой, поскольку с юности был известен как искусный иконописец. Икона его письма — Богоматерь Максимовская — была одной из главных святынь Успенского собора. Известны и другие иконы работы святителя, также прославлявшие Богородицу, — Успение и Богоматерь Одигитрия.

В жертвеннике он заложил нишу для своего гроба. Этот акт был исполнен глубокого символического смысла — ведь тем самым глава Русской

Церкви закладывал первый камень в здание московской государственности. Сам он не дождался конца строительства — в ночь с 20 на 21 декабря 1326 г. он скончался и был похоронен в недостроенном соборе.

Почти сразу у гроба митрополита начали совершаться чудеса. Поэтому в 1329 г. он был прославлен как первый московский, а затем и как общерусский святой. Теперь Москва, обладая мощами подвижника, действительно превращалась в столицу. Так, Киев сделался столицей империи Рюриковичей после того, как в Десятинной церкви упокоились мощи первой христианки Руси — равноапостольной княгини Ольги. Санкт-Петербург превратился в столицу Российской империи, когда сюда по повелению Петра I были перевезены мощи Александра Невского.

Ожидания митрополита Петра сбылись: к северу от Успенского собора вырос митрополичий двор — Феогност, преемник святителя, навсегда остался в Москве, которая с этого момента стала духовным центром Руси. Как трезвый практик, Калита привязал митрополита к себе крупными земельными пожалованиями.

21 мая 1329 г. в память о рождении у князя сына Ивана была заложена белокаменная церковь Иоанна Лествичника «что под колоколами». В этот день отмечается память царя Константина и матери его Елены. Современники не раз сравнивали Калиту с этим императором, — ведь, как и он, князь установил «правый суд паче меры», взяв за образец византийское законодательство; как и он, заключил прочный союз с Церковью. Как и Константин, Иван Данилович боролся с еретиками, стремясь сохранить духовное единство Руси. Подобно основателю «Второго Рима» — Константинополья, будущей столицы Византии, Калита немало потрудились над обустройством Москвы — будущей столицы единой Руси, которая при его потомках прослыла «Третьим Римом».

1 сентября того же года церковь и звонница, колокольня (еще непривычное для Руси сооружение) были освящены. До XIV в. колокольный звон на Руси еще мало известен. Как и в Византии, колокола заменяло деревянное или железное било (эта традиция до наших дней выжила лишь в старообрядческих скитах). Еще в VIII в. св. Герман, патриарх Константинопольский, писал: *«Било изображает труды ангельские и возбуждает подвижников к борьбе с невидимыми врагами»*. Остатки первой на Руси колокольни обнаружили в 1913 г. во время земляных работ на Соборной площади. Она была выполнена в виде восьмиугольного столпа и находилась в центре площади, в 30 шагах от своего преемника — Ивана Великого, который повторял ее формы. В нижнем ярусе звонницы был устроен храм. Его престол посвящался почитаемому на Руси святому — преподобному Иоанну Лествичнику, чье имя как нельзя лучше соответствовало назначению всего сооружения. Ведь подвижник известен как автор «Лествицы» («Лестницы») — сочинения, где он описал ступени духовного совершенства, по которым человек поднимается к Богу, подобно тому, как звонница возносится к небу, очищая души колокольным звоном.

В 1339 г. на Ивановской звоннице повесили большой колокол, снятый по требованию Ивана Калиты со Спасо-Преображенского собора Твери: И опять-таки нельзя не удержаться от символической оценки этого акта. Главный собор Твери был первым в Северо-Восточной Руси каменным храмом, отстроенным после нашествия монголов, главной святыней княжества, усыпальницей тверских князей и епископов. Так что Иван Калита одержал над соперницей еще одну — моральную — победу. В 1346 г. на звонницу повесили еще пять колоколов — три «великих» для благовеста и два «малых» для согласного в них удара. Они были отлиты колокольных дел мастером Борисом Римлянином. О нем известно немало: жил он в Москве и был, как свидетельствуют летописи, искусным литейщиком — четырема годами раньше по заказу новгородского епископа Василия Борис отливал великий колокол для храма Софии в Новгороде. Только неясно, был ли этот мастер русским: если судить по прозвищу, — то вряд ли, а если по имени, — то без сомнения да. В те времена отливка колоколов была делом очень дорогостоящим — для их изготовления понадобились средства всех сыновей Ивана Калиты — великого князя Симеона, Ивана и Андрея.

К 14 октября 1329 г. — за два месяца — была окончена еще одна каменная церковь — Поклонения веригам св. апостола Петра, названная по монашес-

кому имени усопшего митрополита для вечного его поминовения. Это была небольшая бесстолпная церковь-капелла, пристроенная с северо-запада к Успенскому собору, — собственно говоря, даже и не церковь, а внешний придел. Но название храма таило глубокий смысл: в его престольный праздник (16 января) вспоминалось чудесное падение оков с апостола и освобождение его из темницы...

20 сентября 1330 г. была освящена и каменная церковь Спаса на Бору близ княжеского двора, заложенная в мае того же года. Она сохранялась еще до начала XX в., по справедливости считаясь древнейшим из уцелевших каменных зданий Москвы. Во все века оставалось бережное отношение к этому собору: в конце XVIII в. уже полностью обветшавший храм разобрали, но на старом основании известный архитектор М. Ф. Казаков выложил в кирпиче его точную копию. Позднее, когда архитектор К. А. Тон возводил Большой Кремлевский дворец, он удивительно тактично обошелся с древним храмом: церковь Спаса на Бору оказалась во внутреннем дворе нового строения. Лишь в 1933 г. храм был снесен, а на его месте возвели безликую хозяйственную пристройку.

При Спасском соборе Иван Калита учредил великокняжеский дворовый («задворный», по терминологии того времени) монастырь, которому дал «...льготу многу и заборонь велику творяше им, и еже не обидимым быти никим же». Это была первая обитель на территории Кремля. Важность ее подчеркивалась тем, что ее настоятели обычно носили сан архимандрита. Здесь Иван Калита любил уединяться для молитвы, здесь же перед смертью (31 марта 1340 г.) принял схиму под именем Анания. Этому примеру следовали и его преемники. 1 марта 1331 г. в обители похоронили первую жену Калиты Елену, так что монастырь стал общей усыпальницей Московского княжеского рода вплоть до конца XIV в.

Весной 1333 г. в память об избавлении Москвы от страшного голода Иван Калита заложил каменную одноглавую церковь Михаила Архангела, которая была освящена 20 сентября того же года. То был день памяти святого князя Михаила Черниговского, убитого Батыем за отказ поклониться монгольским святыням. В народном сознании образ этого мученика символизировал не столько готовность к самопожертвованию во имя веры, сколько непокорность Орде, а прославление его имени в Москве освящало идею единства Руси. Церемония освящения нового собора стала таким образом днем поминовения павших в борьбе с татарами — Иван Калита стремился замолить кровь, пролитую им при подавлении Тверского восстания. Сама церковь заменяла прежний домовый княжеский храм. Здесь князь завещал похоронить себя и своих преемников, и эта традиция сохранялась вплоть до Петра I.

По количеству белокаменных храмов «немногочисленная» Москва явно обогнала Владимир. Обратим внимание на последовательность их возведения — здесь также есть своеобразная символика, указывающая на жизненный путь Ивана Калиты: оно началось с возведения церкви, посвященной святому, именем которого князь был наречен в Крещении, а завершилось княжеской усыпальницей. Кульминационным моментом строительства стало возведение Ивановской колокольни — лестницы, ведущей в небо.

Все церкви располагались на площади в центре Кремля, создавая единый ансамбль, основные черты которого сохранялись на протяжении веков: нарушение древних традиций было делом предосудительным. Его композиционным центром и ведущей вертикальной доминантой стал храм Иоанна Лествичника с колокольней. Он как бы находился в центре креста, на нижнем конце которого располагалась церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи, а по концам поперечной перекладки — Успенский и Архангельский соборы. Нижнюю, косую, перекладину образовывали храм Спаса на Бору и Благовещенская церковь.

Крестообразная структура типична для древнерусского города: она отражает тот непреложный факт, что он, будучи посвящен Богу, является земной проекцией небесного храма. Позолоченные же купола белоснежных церквей, сиявшие на Кремлевском холме, будто горящие свечи, символизировали вечное служение столице Господу. Сама же Соборная площадь с покоившимися в Успенском соборе мощами святителя Петра превращалась в церковный престол: при основании храма под него обязательно клались останки

чтимых святых. Как не вспомнить слова Спасителя, сказанные некогда апостолу Петру — покровителю митрополита? *«Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»* (Мф. 16:18).

Впрочем, и название вершины Кремлевского холма, на которой стояли храмы, — Маковица, — темя, лобное место, выводит на еще одну ассоциацию, связывающую Соборную площадь с Лобным местом в Иерусалиме — Голгофой. Это сходство усиливается еще и тем, что прообразом восьмигранной в плане церкви Иоанна Лествичника со звонницей стала важнейшая христианская святыня — храм Гроба Господня в Иерусалиме. И эта связь вряд ли случайна. Нарождающаяся столица единой Руси равнялась на колыбель христианства, в глазах человека средневековья — центр мироздания. Так *«град скромен»*, как до этого времени именовали Москву летописи, превращался в *«град честен»*.

Вокруг Соборной площади группировались боярские дворы, спускаясь вниз, к Подолу — низменной части Кремлевского холма. А кладбище, на котором с середины XII в. находили последнее пристанище и рядовые москвичи, и знатные бояре, располагалось рядом с Успенским собором. К востоку от него, близ митрополичьего двора, находился двор ханских послов, зорко следивших за действиями князя.

Окончательную отделку кремлевские храмы получили уже после смерти Ивана Калиты — по взглядам человека средневековья, внешняя красота здания обязательно должна была сочетаться с богатством внутреннего убранства. В 1344 г., при его сыне — князе Симеоне Гордом, были расписаны фресками Успенский и Архангельский соборы. Первый расписывали мастера из Константинополя, которых пригласил митрополит Феогност, грек по происхождению. Идея духовной преемственности повторилась: в 1077 г. греческие мастера по приказу Богородицы расписывали духовный центр Киева — Успенский собор Печерского монастыря, который стал эталоном для всех русских храмов. Для росписи же Архангельского собора Симеон Гордый призвал артель русских иконников. *«Старейшинами и начальниками у них были, — сообщает летопись, — Захарий, Дионисий, Иосиф, Николай и прочая дружина их... И недописаша ее того лета величества ради и мелкого писма»*. Говоря иначе, артель подражалась на работы только на лето и не успела завершить роспись к началу осени.

В 1345 г. на средства первой жены Симеона Гордого, литовской княжны Айгусты-Анастасии, новая артель иконописцев расписывала церковь Спаса на Бору. *«... А мастера старейшина иконником Гойтан»*, — отмечает летопись. Прозвище выдаст выходца из Южной Руси — в тех краях гайтаном называют шнуры, на котором носят нательный крест. Известен и имена его помощников — Семена и Ивана. Под их началом работала дружина русских мастеров, прошедших обучение иконному письму у греков. К 1346 г. фрески покрыли и церковь Иоанна Лествичника.

К сожалению, внешний облик храмов, возведенных Калитой, известен очень фрагментарно, но тем не менее даже то, что дошло до наших дней, свидетельствует, что эти сооружения послужили основой становления традиции московской школы белокаменного зодчества, окончательно оформившейся уже к концу XIV в.

Лишь после того, как духовная крепость, призванная выдерживать осаду врага невидимого, была возведена, Иван Калита приступил к строительству крепости внешней, защитнице Москвы от вполне реального неприятеля. Удобный случай и здесь помог князю. Согласно летописям, старый Кремль сильно *«погоре»* в пожаре 3 мая 1331 г. Второй пожар вспыхнул в 1337 г. (тогда, как отметил летописец, в Москве сгорело 18 церквей). Третий же пожар 13 июня 1337 г., когда *«Москва вся погоре»*, почти уничтожил древнюю крепость.

Новый Кремль — *«град Москву дубов»* — заложили 25 ноября 1339 г. на день святомученика Климента, Папы Римского. И это было глубоко символично: ведь мощи этого мученика Владимир Святой получил в дар от византийских императоров после Крещения Руси. Да и сам св. Климент, один из *«мужей апостольских»*, был связан с русской историей: сосланный в Херсонес, он вслед за Андреем Первозванным проповедовал Слово Божье среди диких кочевников южнорусских степей. Так что, закладывая в этот день Кремль, Иван Калита прежде всего стремился подчеркнуть историческое

преемство своей власти с властью византийских императоров и киевских князей, преемственность Москвы с Константинополем и Киевом, Русского Православия с апостольской проповедью. И кто знает, не вспомнились ли Ивану Калите в этот день мудрые слова Писания: *«Пойдите вокруг Сиона и обойдите его, пересчитайте башни его; обратите сердце ваше к укреплениям его, рассмотрите дома его, чтобы пересказать грядущему роду, ибо сей Бог есть Бог наш на веки и веки: Он будет вождем нашим до самой смерти»* (Пс. 47:13–15).

Кремль был закончен в 1340 г. *«на великое говеино»*, то есть к началу Великого поста, которое в тот год приходилось на 8 февраля. *«Постави князь великий Иван Данилович Калита град древян Москву, — записал летописец, — тако же я посады в ней украсив, и слободы, и всем утверди»*. Обустройство новой столицы было завершено.

Остатки Кремля Ивана Калиты — дубовые бревна, достигавшие в поперечнике аршина (0,7 м), — были обнаружены в прошлом веке при строительных работах близ Малого Николаевского дворца, ныне снесенного.

Размеры Кремля значительно увеличились. Северо-западная его стена шла вдоль берега Неглинки, доходя до нынешней Средней Арсенальной башни (в Александровом саду у ее основания находится грот). Во времена Ивана Калиты здесь была угловая башня. На юге угловая башня стояла на месте нынешней Второй Безымянной. Проездные же башни располагались по направлению древних дорог, подходивших к Кремлю. Одна вела к торговой площади — в те времена она была на месте нынешней Спасской башни. Этот выход из крепости был отмечен церковью во имя св. Параскевы Пятницы *«на рву»*, — а с таким престолом церкви обычно сооружались на главной торговой площади города. От площади расходился веер дорог на Владимир, Тверь и Ярославль — будущие Никольская, Ильинская и Варварская улицы. Дорога на юг, в Золотую Орду (ныне улица Большая Ордынка), шла от второй башни. От третьей башни дорога шла в северном направлении, к Волоколамску (Большая Никитская улица). Четвертая, очевидно, находилась на месте современной Боровицкой башни.

Но это была совершенно иная крепость. Парадный въезд прежней — лицо Москвы — смотрел на юго-запад, в направлении современной улицы Волхонки и далее — к Остоженке, откуда во времена Юрия Долгорукого шла дорога на Киев. Новые главные ворота Иван Калита повернул в противоположную сторону — на восток, к началу Владимирской дороги: Москва меняла основные ориентиры.

Автор одного из дореволюционных путеводителей по Москве остроумно заметил: *«Иоанн Калита настолько обстраивает город, что его преемникам осталось сделать очень немногое, чтобы дать полную картину характерного облика древлепрестольной столицы»*. Не случайно современники назвали Кремль городом — главная крепость Руси и столица в их сознании уже слились воедино.

Сыновья Калиты — Симеон Гордый и Иван Красный — почти не вели строительства, лишь украшая уже стоявшие храмы. Новый этап застройки Кремля начнется во второй половине XIV в. при Дмитрие Донском и его сыне Василии, навсегда утвердившими за Москвой звание великокняжеской столицы. Но тогда-то стройная идеология главной крепости государства, заложенная Иваном Калитой, начнет размываться от множества новых построек — храмов, монастырей, подворий крупнейших обитателей, боярских усадеб, дворов служилых людей и именитых купцов. Уже к концу столетия Кремль поражал неимоверной теснотой строений. Разгадка этой ситуации, совершенно необъяснимой с позиции державных стремлений московских князей, находит объяснение в психологии человека средневековья. 1 сентября 1492 г. истекала седьмая тысяча лет от сотворения мира — и люди ожидали наступления обещанного Христом дня кончины века и Страшного Суда над живыми и мертвыми. Заботиться приходилось не только о мирском — в оставшееся время, согласно евангельским притчам, надлежало бодрствовать душой. Так что застройка Кремля в конце XIV — XV в. в значительной степени отражала тревоги, страх и надежды людей накануне второго пришествия Спасителя.

Строительные работы в 1358 г. начал митрополит Алексий. Исцелив ханшу Тайдулу от казавшейся неизлечимой глазной болезни, он получил в подарок от хана Джанибека ордынский двор, к востоку от Успенского

собора. На этом месте святитель поставил деревянную церковь во имя Чуда архангела Михаила в Хонех, а в 1365 г. основал монастырь, получивший название Чудова. Тогда же вместо деревянного храма был выстроен каменный, где святитель завещал похоронить себя. Этому монастырю суждено было пережить не одно лихолетье русской истории, пока — в 1929 г. — его не стерли с лица земли.

И все же ханский подарок вовсе не означал, что татары навсегда выселились из Кремля — двор ханских послов просто перенесли на новое место. Теперь он стоял на полпути между современными Спасскими воротами и колокольней Ивана Великого.

В 1365 г. в Москве вспыхнул пожар, почти уничтоживший город. *«В том же году, — сообщает летопись, — был пожар на Москве, загорелась церковь Всех Святых, и оттого погорел весь город Москва, и посад, и Кремль, и Загородье, и Заречье. Было тогда жаркое время, великая засуха и зной, да к тому же началась великая буря с ветром... Так за один или за два часа погорел весь город без остатка. Такого пожара раньше не было».* Огонь уничтожил и деревянный Кремль — встал вопрос о строительстве новой крепости. Инициатором ее возведения выступил митрополит Алексий, фактический глава правительства в малолетство Дмитрия Донского. Новые стены Кремля вовсе не были призваны подчеркнуть мощь столицы: их спешно возводили в ожидании нашествия на Москву великого князя Литовского Ольгерда.

Строительство началось зимой 1367 г. *«Тое же зимы, — сообщает летопись, — повезоша камене к городу».* Да, новую крепость возводили из камня, по последнему слову осадной техники. Ведь к этому времени у москвичей — одновременно со странами Западной Европы и Востока — появились пушки, которые применялись для защиты крепостей. В Москве пристально следили за новинками европейской военной техники — недаром в летописях встречаются известия об изобретении *«стрельбы огнистой»* в Венеции и *«снасти огненного боя»* в Германии, относящиеся, что интересно, как раз ко времени Дмитрия Донского.

Но каменная крепость была по силам лишь очень богатому княжеству. В свое время нижегородцы замахнулись на строительство нового Кремля — и во всем уделе едва хватило средств на три белокаменные башни: все остальные укрепления возвели из дерева. Москва же располагала всем необходимым — были и средства для оплаты работ, в изобилии имелся и белый камень. Главное — в молодой столице Руси были уже *«много мастеры»*, знакомые с добычей и обработкой белого камня.

Кремль строили ударными темпами — работы шли *«без престои»* — темп задавала грядущая война с сильным противником. Примерные расчеты показывают, что объем строительных работ был поистине грандиозен — равных им по масштабу Москва еще не знала. Стены и башни новой крепости клались из мячковского известняка — оттого в веках за Москвой укрепилось прозвище *«белокаменная»*. В 1368 г. белокаменная твердыня уже стояла и через год с успехом выдержала нашествие литовцев — Ольгерд, как говорит летопись, *«города Кремля не взял»*.

По площади, числу башен и ворот Кремль уже мало отличался от современного. Из него вело пятеро ворот, окончательно закрепивших направление выездов из Кремля — парадные Фроловские, Никольские, ведущие на Красную площадь, Троицкие и Боровицкие, открывавшие путь на Тверь и Киев, и Константино-Еленинские с выходом к Москве-реке.

Самое древнее упоминание о кремлевских пушках в летописях относится к 1382 г. — времени осады Москвы Тохтамышем, а в 1408 г. хан Едигей так и не смог приблизиться к кремлевским стенам *«ради градного и стреляния со града»*. Эти орудия были отлиты в Германии — Василий Дмитриевич получил их в подарок в 1393 г. *«от немец»*. С 1408 г. в Москве стали отливать собственные пушки. Стены Кремля были пригодны и для стрельбы из лука или арбалета. Последний русские летописи называют самострелом — именно из него в 1382 г. суконник Адам, стоявший на Фроловских воротах, убил знатного ордынца. Так московский Кремль стал одной из самых неприступных крепостей на Руси. И все же у него был один серьезный недостаток — при невозможности взятия его штурмом осада затягивалась надолго. На этот случай в угловой Водовзводной башне (это название закрепилось за ней в XVII в.) был устроен тайник — колодец с пресной водой.

В это же время близ Боровицких ворот построили новый дубовый великокняжеский терем, развернутый фасадом вдоль берега Москвы-реки. В нем выделили женскую половину, где проживали великая княгиня и ее дочери. За узорную резьбу и затейливые украшения верхнего этажа — хором — эти палаты прозвали Златоверхими.

Ударное строительство нового Кремля и непрестанная борьба с Тверью, Ордой и Литвой, возможно, не позволили Дмитрию Донскому уделить внимание внутреннему обустройству крепости. Новые храмы появляются в ней лишь после его смерти. Однако в редком случае они возводились на средства великих князей — в качестве строителей чаще всего выступают их вдовы или глава Русской Церкви, ставившие храмы в память о славных событиях истории недавней. Благодаря этому державная символика главной крепости государства, с одной стороны, размывалась ввиду массовой бессистемной застройки, с другой — пополнялась зданиями, зримо напоминавшими о важнейших этапах роста могущества Москвы. Но белокаменные храмы терялись среди многочисленных деревянных хором — время кирпичного строительства наступило лишь в эпоху Ивана III.

В 1393—1394 гг. на месте деревянной церкви Воскресения Лазаря на женской половине княжеского дворца вдовы Дмитрия Донского Евдокия возвела четырехстолпный белокаменный храм Рождества Богородицы в память о победе на Куликовом поле, пришедшей на этот праздник, с приделом во имя Воскресения Лазаря «*близь большого алтаря*». В 1395 г. его расписали именные иконописцы — Феофан Грек и Симеон Черный с учениками. До основания Вознесенского монастыря храм, возможно, использовался как усыпальница княгинь и княжон. В тайнике собора под сводами хранилась княжеская казна. Судьба храма удивительна: в конце XVII в. он был заложен, и о его существовании забыли вплоть до середины XIX в. При сооружении Большого Кремлевского дворца понадобилось проломить древнюю стену, за которой и обнаружилась эта церковь. По повелению Николая I храм возобновили в первоначальном виде. И по сей день он является единственным уцелевшим белокаменным храмом Московского Кремля XIV в.

С именем княгини Евдокии связано и основание первого женского монастыря в Кремле — Вознесенской обители у Фроловских ворот. 20 мая 1407 г. — в 20-летнюю годовщину смерти Дмитрия Донского — в ней началось строительство каменного храма во имя Вознесения Господня, затянувшееся почти на шесть десятилетий. Место, где был заложен монастырь, для вдовы Дмитрия Донского было необычайно дорого: ее муж поставил тут церковь во имя св. Патриархов Александрийских Афанасия и Кирилла — в память о дне их свадьбы (18 января). Монастырь стал памятником супружеской любви, отражением страстной мечты вдовы по вознесении души к Господу встретить мужа в Раю. Евдокия приняла в нем постриг под именем Ефросинии и была похоронена здесь. Впоследствии ее причислили к лику святых. С этих пор Вознесенская обитель — вплоть до начала XVIII в. — служила местом пострига и погребения великих княгинь и цариц. Она, как и Чудов монастырь, была уничтожена в 1929 г.

Сын Дмитрия Донского и Евдокии Василий много заботился о придании столице европейского блеска, не забывая и о русских традициях. Внешний облик Кремля, по его мнению, должен был напоминать столицы Европы. Что же до внутреннего содержания, то оно оставалось глубоко православным. Заимствовались технические новшества, но отнюдь не дух Запада.

В 1397 г. был перестроен древний деревянный Благовещенский собор, а в 1405 г. на его месте началось строительство каменного, продолжавшееся 18 лет. Этому храму суждено было сыграть выдающуюся роль в развитии русского искусства и богословской мысли. Для его украшения в мае 1409 г. были вызваны лучшие иконописцы Руси — Феофан Грек, старец Прохор с Городца и монах Андрей Рублев, ученик преподобного Сергия. Итогом их трудов стал иконостас — многоярусная стена икон, скрывающая от взора непосвященных святую святых церкви — алтарь. До этого, по византийской традиции, в русских храмах между молящимися и алтарем находилась небольшая преграда, где устанавливали наиболее чтимые иконы. Иконостас воплотил в себе представления о прошлом, настоящем и будущем человечества, зримо сконцентрировав в себе всю священную историю.

Иконы размещались в строго определенной последовательности. Нижний ряд, или чин, иконостаса — Местный. В центре его находится царские врата — выход к Царству Божьему. Через них во время богослужения из алтаря церкви незримо выходит Царь Славы — Иисус Христос. На створках царских врат находятся образы Богородицы и архангела Гавриила, напоминающие о сцене Благовещения, и четырех евангелистов — Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Над царскими вратами помещается сцена Тайной Вечери — образ последней трапезы Господа с учениками и первого причастия. Слева от врат находится икона Богородицы, справа — Иисуса Христа, а рядом с ним — образ святого или праздника, которому посвящен храм. Рядом находятся наиболее чтимые иконы.

В Местном ряду есть еще два выхода — северный, ведущий в жертвенник, где совершается подготовка к причастию, и южный, который ведет в диаконник — в нем священники облачаются для богослужения. На их вратах обычно изображаются либо святомученики Стефан и Лаврентий, первыми помогавшие при богослужении, либо символы утерянного и возвращенного Рая — архангел Михаил с мечом огненным, изгнание Адама и Евы из Эдема, благоразумный разбойник, что был сораспят с Христом и первым из людей оказался в Раю.

Над иконами Местного чина находится ряд Праздничных икон, или Праздники, расположенные в календарном порядке от Рождества Богородицы до Успения. По числу важнейших событий истории Нового Завета их бывает не меньше двенадцати.

Третий чин, расположенный над Праздничным, носит название Деисусного (от греческого «деисис» — моление). Это — главный ряд иконостаса, и появился он в XV в. отнюдь не случайно. В его центре — образ Спаса в силах, восседающего на троне Христа, который в окружении Сил Небесных сошел на землю для Страшного Суда. Но Он — не только грозный судия, но и Спаситель. Правая рука Христа поднята в благословении, в левой — раскрытая книга, где каждый мог прочесть евангельские слова: «*Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы*» (Мф. 11:28). Слева от Него — образ последнего человека Ветхого Завета — Иоанна Предтечи, а справа — Богоматери, первого человека Нового Завета. В немой молитве они протягивают к Спасителю руки, умоляя Его быть милосердным. За ними по разные стороны от центральной иконы находятся парные образы — архангелов Гавриила (обязательно напротив Богоматери, дабы еще раз напомнить о Благовещении) и Михаила, первоверховных апостолов Петра и Павла, св. Иоанна Златоуста и Василия Великого — творцов христианского богослужения, и наиболее почитаемых святых.

Два следующих ряда иконостаса — Пророческий и Праотеческий — появятся в православных храмах позднее. Но какое же значение имело это новшество, которого не знали ни католический Запад, ни православный Восток? Во время богослужения перед верующими словно разыгрывалась грандиозная драма мировой истории — от сотворения мира до Страшного Суда, в которую в качестве действующего лица включался сам молящийся. Глядя на иконы, он вспоминал о грехопадении прародителей, пришествии в мир Спасителя, Его земной проповеди, гибели на кресте и воскресении. Он зримо понимал, что скоро — и очень скоро — Иисус Христос вновь сойдет на землю судить живых и мертвых по делам их. И тем более поразителен гуманизм Андрея Рублева, который повсюду, где творил — и в Москве, и во Владимире, и в Звенигороде, — стремился убедить, что, по милосердию Божьему, второе пришествие Спасителя станет не грозным судилищем, но праздником воздаяния за праведную жизнь, ибо Бог есть любовь (1 Ин. 4:8). Так духовная нить, протянувшаяся от творений Андрея Рублева, связала нарождавшуюся московскую школу иконописи с заветами преподобного Сергия.

Иконы его работы считались одной из самых драгоценных святынь Кремля — при всех перестройках Благовещенского собора они возвращались на прежнее место, где и находятся по сегодняшний день.

В 1404 г. рядом с церковью Благовещения, как и водилось в европейских столицах, были установлены первые в Москве, а может быть и на Руси, куранты. На высокой башне помещался циферблат с одной часовой стрелкой — для людей средневековья время текло так медленно, что счет на минуты, в

отличие от наших дней, еще не имел значения. И каждый час человеческая фигура, приводимая в движение хитрым механизмом, ударяла молотом в колокол. Это чудо техники поразило современников. «...Сий же часник, — отметил летописец, — наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и расчитая часы ночные и дневные, не бо человек ударяше, но человеководно самозвонно и самодвижно, страннолюбно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено...»

После смерти Василия Дмитриевича строительные работы в Кремле приостановились — большая часть правления его сына Василия была отдана феодальной войне. В 1445 г. столицу опустошил очередной пожар, достигший такой силы, что в Кремле «выгорело дерево все, так что и церкви каменные распались». Многим из них почти полвека пришлось простоять полуразрушенными. А Вознесенский собор, заложенный еще княгиней Евдокией, столь пострадал от огня, что, не будучи еще достроен, уже нуждался в капитальном ремонте, к которому приступили... спустя два десятилетия. И это вполне понятно: у Василия Темного, занятого войной, руки не доходили не то что до строительства новых храмов — до восстановления старых, страдавших от частых пожаров. В его правление почти все храмы в Кремле строились на средства Русской Церкви — обретя долгожданную автокефалию, она стремилась отметить духовную независимость от Византии прекрасными строениями.

В 1451 г. митрополит Иона заложил каменный храм Положения Риз Божией Матери во Влахерне к западу от Успенского собора. В тот год, в день этого праздника (2 июля), под стены Москвы пришло войско ордынского царевича Мазовши. Город был подожен, и пламя вплотную подступило к стенам Кремля. Вылазки врага удалось отбить. Всю ночь москвичи ожидали штурм, но утром ордынский лагерь оказался пуст — враг внезапно бежал, бросив награбленное, ибо, как писал летописец, «милосердный Бог... вложил в татарские сердца страх и трепет». В память об этом и был заложен храм Ризположения. Но в названии его престола есть сокровенный смысл: риза Богородицы, хранившаяся во Влахерне — дворце византийских императоров, — защищала Константинополь от врагов. И храм с престолом в честь этой святыни, возведенный в самом сердце Кремля, как бы негласно уподоблял Москву столице Византии. Эта церковь была у русских митрополитов, а впоследствии и патриархов домовая — из ее дверей они выходили на поклон к народу после возведения на кафедру. Здесь хранилась и чтимая икона Божией Матери Печерской — покровительницы русской митрополии, которая сопровождала главу Русской Церкви при всех переносах кафедры. Рядом с храмом в том же году выросли митрополичьи палаты — первое жилое здание из камня в Кремле.

В 1459 г. у палат сына Василия Темного Юрия вместо древнего деревянного храма была заложена каменная церковь Рождества Иоанна Предтечи. В ее подклете хранились сокровища княгини. В этом же году, после поражения под Рязанью хана Большой Орды Ахмата, к Успенскому собору пристроили придел во имя чудотворной иконы Похвалы Богородицы, которая издавна почиталась как защитница Константинополя от мусульман. Победа над татарами и название престола совпали не случайно: Москва активно стремилась занять в христианском мире место уничтоженной турками Византии. В этот же год на подворье Троице-Сергиева монастыря близ Троицких ворот возвели каменную церковь Благовещения, а вскоре освятили церковь Св. Афанасия Александрийского на Фроловских воротах. Это были последние храмы Кремля, построенные в удельную эпоху.

Новый этап его застройки начнется в пору созидания унитарного государства при Иване III на иной идеологической основе — когда Москва осознает себя «Третьим Римом». И символом уходящей эпохи стали полуразрушенные храмы, построенные при Иване Калите, и обветшавшие стены белокаменного Кремля.